

Сивцева Саассылана Иннокентьевна

Sivtseva Saassylana Innokentyevna

доктор исторических наук, доцент, профессор
исторического факультета Северо-Восточного
федерального университета имени М.К. Аммосова

D.Phil. in History, Professor,
School of History,
North-Eastern Federal University

Курчатова Тамара Тимофеевна

Kurchatova Tamara Timofeyevna

кандидат исторических наук, доцент, доцент
исторического факультета Северо-Восточного
федерального университета имени М.К. Аммосова

PhD in History, Associate Professor,
School of History,
North-Eastern Federal University

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЯКУТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

THE SOCIAL SPHERE OF YAKUTIA DURING WORLD WAR II

Аннотация:

В статье рассматриваются малоизученные вопросы российской истории, имеющие отношение к повседневной жизни населения в глубоком тылу в период Великой Отечественной войны. Анализируются и обобщаются исторический опыт развития социальной сферы Якутии в 1941–1945 гг., обрисованы условия жизни и особенности быта населения республики, выявлены направления и объемы оказываемой социальной помощи. Установлено, что в сложных условиях военного положения государство выделяло средства на организацию помощи наиболее уязвимым категориям населения – семьям фронтовиков, инвалидам войны, детям. Принимались конкретные меры по укреплению системы здравоохранения, улучшению сложной продовольственной ситуации в Якутской Республике. Сделан вывод, что в годы войны помощь населению оказывалась, однако ее размеры были не столь значительны, чтобы предотвратить гибель тысяч людей от голода и истощения. Численность населения Якутии, как и всего Советского Союза, достигла довоенного уровня только к концу 1954 – началу 1955 г., через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны. Число жителей сельской местности Якутской Республики восстановилось лишь к 1967–1968 гг.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Якутия, социальная сфера, социальная политика, семьи фронтовиков, инвалиды войны, здравоохранение, условия жизни и быта, голод.

Summary:

The research examines the little-studied issues of Russia's history related to the everyday life of the population on the home front during World War II. The study analyzes and summarizes the historical development of the social sphere in Yakutia in 1941–1945, outlines the living conditions and everyday life of its people, and identifies the scope and size of social assistance. The authors revealed that in the severe military situation, the state allocated funds for the assistance to the most vulnerable groups such as families of front-line soldiers, disabled soldiers, and children. Particular measures were taken to strengthen the healthcare system and improve the difficult food situation in the Yakut Republic. The authors concluded that the assistance provided to the population was insufficient to prevent thousands of people from dying from famine and exhaustion. The population of Yakutia and the Soviet Union as a whole reached the pre-war level until late 1954 and early 1955 that was ten years after the end of the Great Patriotic War. The number of rural people in the Yakut ASSR was restored only by 1967–1968.

Keywords:

Great Patriotic War, Yakutia, social sphere, social policy, families of front-line soldiers, disabled soldiers, healthcare, living and household conditions, famine.

Тема Великой Отечественной войны и связанные с ней исследовательские задачи сегодня как никогда актуальны. Анализ историографии позволяет сделать вывод, что проблема социальной сферы в годы Великой Отечественной войны раскрывается многими исследователями и в разных направлениях: общественных настроений и психологии советских людей, формирования образа врага, социальной и национальной политики, стратегий выживания, повседневной жизни граждан в городе и в деревне, на фронте и в тылу и др. Многие проблемы носят дискуссионный характер. Этой теме посвящены работы якутских исследователей В.Г. Бегиева, С.И. Бояковой, В.П. Николаева, Д.Д. Петрова, С.И. Сивцевой [1].

Работа Д.Д. Петрова, опубликованная в 1992 г., посвящена самоотверженному труду рабочих, колхозников, интеллигенции в тылу, всенародной помощи фронту, однако социальным процессам в ней отведено незначительное место. (Причины этого вполне понятны: «неудобную» тему многие годы приходилось замалчивать; ограниченный доступ к источникам также мешал всестороннему исследованию социальной сферы.) Отметим, что Д.Д. Петрову все же удалось в

общих чертах изучить и опубликовать данные численности, состава населения, его размещения, сведения о насильственном переселении чурапчинцев, создавшемся тяжелом продовольственном положении в республике. С.И. Сивцева изучила социально-демографическое положение населения, однако проблема социальной политики и ее направлений не была раскрыта. Работы В.Г. Бегиева, С.И. Бояковой и В.П. Николаева посвящены некоторым аспектам социальной сферы – здравоохранению, грузоперевозкам.

В настоящей статье ставится цель осветить некоторые аспекты общественной жизни в тяжелые 1941–1945 гг. в глубоком тылу, в Якутии: условия жизни и быта, социальную помощь. Авторы делают попытку выявить направления и объемы социальной помощи населению.

В годы Великой Отечественной войны население всей страны испытывало чрезвычайное напряжение как физических, так и моральных сил, направляя их на борьбу с врагом. В сложных условиях военного положения государство проявляло заботу, выделяя средства на организацию помощи незащищенным категориям населения – семьям фронтовиков, инвалидам войны, детям. Принимались конкретные меры по укреплению здравоохранения, улучшению чрезвычайно сложной продовольственной ситуации в республике.

Прежде всего помощь предоставлялась семьям фронтовиков, инвалидам войны. Согласно Указу Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время», по состоянию на 1 мая 1942 г. в Якутии пособия получала 7 861 семья военнослужащих, на 1 ноября 1942 г. число таких семей возросло в два раза. Средний размер пособия на одну семью составлял 107 р. в месяц [2, с. 17–19]. За все годы войны им было выплачено государственных пособий и пенсий на сумму более 62 млн р. и около 5 млн р. выдано в виде единовременных пособий [3, с. 192]. Немало фронтовиков возвращалось домой инвалидами. В республике на 1 января 1942 г. было 869 инвалидов, на 1 октября 1943 г. – 1927, на 1 декабря 1943 г. – 2093, на 1 января 1944 г. – 2151, на 1 января 1945 г. – 3754 [4]. По решению правительства им предоставлялось преимущественное право зачисления на работу во все государственные и кооперативные предприятия, организации. К началу 1945 г. в Якутии были трудоустроены на работу более 3 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны, более 60 проходили обучение для последующего устройства на работу [5].

Постановлением СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям» инвалидам Великой Отечественной войны назначались пенсии [6]. По состоянию на 1943 г. им было выплачено пенсий на сумму 2864,1 тыс. р. и 356 тыс. р. единовременных пособий [7, с. 19]. Кроме того, инвалиды Отечественной войны пользовались установленными государством льготами по налогам и поставкам продуктов сельского хозяйства. По данным 15 районов в 1943 г. было освобождено от военного налога 597 хозяйств на сумму 148 734 р., от сельхозналога 396 хозяйств на сумму 41 529 р., от обязательных поставок сельхозпродуктов (мясо, масло, молоко и т. д.) 526 хозяйств в количестве 344,9 ц.

К окончанию войны помощь инвалидам войны возрастала. В 1945 г. в арендованном на лето у «Холбоса» здании был открыт дом отдыха для участников Великой Отечественной войны. Инвалиды получали лечение в санатории «Абалах», тубсанатории «Красная Якутия» [8]. В районах республики: Вилуйском, Мархинском, Олёкминском, Ороченском, Усть-Алданском, Чурапчинском – функционировали дома инвалидов, интернат инвалидов Отечественной войны.

Такая социальная поддержка семей фронтовиков и инвалидов для большинства из них была единственным источником материальной помощи. К сожалению, эти меры поддержки не смогли кардинально переломить тяжелую социально-демографическую ситуацию в республике.

ЦК ВКП(б), НКВД СССР были осведомлены о тяжелом продовольственном положении в Якутии еще в мае-июне 1942 г. Осенью 1942 г. в Якутию с целью проверки и оказания помощи была командирована группа руководящих работников Наркомзема, Наркомздрава и Наркомфина РСФСР во главе с заместителем председателя СНК РСФСР А.Н. Суховым (подробнее см. далее). В частности, было выявлено закрытие трех туберкулезных санаториев, пяти туберкулезных пунктов, 19 фельдшерско-акушерских пунктов, почти всех трахоматозных пунктов, двух курортов и ряда других медицинских учреждений. Для их восстановления, расширения и реорганизации, а также расширения сети детских яслей в октябре 1942 г. СНК РСФСР выделил 1014 тыс. р. Кроме того, на капитальный ремонт медицинских учреждений было направлено 305 тыс. р., строительство дезинфекционной станции в Якутске – 300 тыс. р., приобретение хлопчатобумажных тканей предприятиями здравоохранения (хлопчатобумажные ткани использовались в качестве медицинского материала: бинтов, ваты и т. д. – *Примеч. авт.*) – 300 тыс. р. [9].

Финансовая помощь позволила укрепить сеть учреждений здравоохранения Якутии. Число туберкулезных больниц, особенно в сельской местности, значительно увеличилось. Если в

1941 г. в республике была лишь одна туббольница (в Якутске), то к концу войны их стало 15, большинство открыто в сельской местности (73,3 %). В 1945 г. работало 9 тубсанаториев на 479 коек, 7 из которых находились в селах республики. К концу войны количество основных опорных пунктов организации борьбы с трахомой на селе – врачебных окулистических и сестринских трахоматозных пунктов – стало соответственно 9 и 30 против 2 и 21 в 1941 г. [10, с. 108–110]. Произошел рост числа женских и детских консультаций с 2 в 1940 г. до 16 в 1945 г. В целом сеть учреждений здравоохранения расширилась. Если в 1940 г. всего больниц было 40, то в 1943, 1944 и 1945 гг. – 53, 45 и 48 соответственно. Возросло число амбулаторий, фельдшерских, фельдшерско-акушерских пунктов.

Однако, несмотря на отмеченное развитие, укрепление отрасли здравоохранения, наблюдался рост социальных заболеваний – туберкулезом, трахомой, цингой. В 1941 г. от туберкулеза умерло 22,9 %, в 1942 г. – 36,8 % от числа всех умерших за это время против среднего показателя по РСФСР 11–12 %. Ослабленные хроническим недоеданием люди были подвержены различным инфекциям. Широкое распространение получили такие болезни, как брюшной тиф, паратиф, сыпной тиф, корь, скарлатина, коклюш, дифтерия, грипп, дизентерия. В сравнении с показателями 1941 г. число заболевших сыпным тифом в 1942 г. возросло в 3,5 раза, коревой краснухой – в 3 раза, цингой – в 9 раз [11, с. 82, 116, 119].

В 1942 г. Совет народных комиссаров РСФСР ассигновал Якутской АССР из бюджетного резерва 322,5 тыс. р. на организацию и устройство интернатов, дополнительных мест в детских домах и др. [12]. Благодаря этим мерам поддержки было улучшено состояние данных учреждений. Сначала государственные интернаты были созданы для детей из отдаленных сел, которые ввиду отсутствия одежды и теплой обуви не могли посещать школы в других населенных пунктах. В ходе войны их сеть расширилась и пополнилась за счет детей-сирот и детей погибших фронтовиков. Так, если в 1939 г. число воспитанников интернатов составляло 3,3 тыс., то в 1941–1942 гг. – 8 тыс., а в 1945–1946 гг. – более 9 тыс. человек. Значительно расширилась сеть детских домов: если в начале войны в республике действовало 7 подобных учреждений, то к ее концу – 28, в которых воспитывалось 1845 детей [13, с. 221, 222].

Помимо вышеуказанных государственных учреждений, организовывались колхозные интернаты и общежития. Например, в 1943/44 учебном году в Сунтарском районе был организован 21 колхозный интернат с охватом 440 учащихся, из них 145 были детьми фронтовиков и 100 – круглыми сиротами. В 1942/43 учебном году в Усть-Алданском районе действовало 56 колхозных интернатов с охватом 799 учащихся. Все колхозные интернаты содержались на средства колхозов [14].

Увеличилось число детских садов, молочных кухонь и т. д. За годы войны число постоянных детских яслей и мест в них увеличилось в 1,5 раза, в том числе в сельской местности в 4,3 раза. Число молочных кухонь в республике увеличилось в 1,6 раза, соответственно, количество выпускаемой продукции в день – в 1,8 раза. В 1945 г. восемь молочных кухонь выпустили для детей 2 324 323 порции продукции [15, с. 108].

Таким образом, социальная помощь в годы войны была адресована наиболее уязвимым категориям населения – семьям военнослужащих, инвалидам, детям. Была оказана серьезная финансовая помощь учреждениям здравоохранения.

Рассмотрим условия жизни и быта населения, которые усугубили демографическую ситуацию в республике. Среди многих факторов, негативно повлиявших на жизнь людей, продовольственный вопрос стал определяющим.

В республике, как и по всей стране, была введена карточная система снабжения населения.

Об обеспечении продуктами питания рабочих и служащих Якутии зимой 1942 г. можно судить из приказа народного комиссара торговли СССР «О введении нормированного снабжения населения в районах Крайнего Севера продовольственными и промышленными товарами», изданного на основании постановления СНК СССР от 9 ноября 1942 г., по которому были установлены следующие нормы на основные продукты питания, вводимые с 1 января 1943 г. (в граммах на одного человека в месяц): для рабочих и инженерно-технических работников: сахар и кондитерские изделия – 750, жиры – 800, крупа и макаронные изделия – 2 тыс., соль – 700, хлеб (в день) – 800; для служащих: сахар и кондитерские изделия – 600, жиры – 600, крупа и макаронные изделия – 1,5 тыс., соль – 700, хлеб (в день) – 600; для их иждивенцев: сахар и кондитерские изделия – 500, жиры – 500, крупа и макаронные изделия – 1,5 тыс., соль – 700, хлеб (в день) – 400; для детей возраста до 12 лет семей рабочих, инженерно-технических работников и служащих: сахар и кондитерские изделия – 500, жиры – 500, крупа и макаронные изделия – 1,5 тыс., соль – 700, хлеб (в день) – 400 [16, с. 314].

Хотя эти нормы и являлись обязательными, они зависели от наличия продуктов в районах. Например, в южных районах (так в годы войны официально назывались географически центральные районы республики) рабочие и служащие получали вышеуказанные нормы только по сахару и кондитерским изделиям, в северных (рыболовецких) – по сахару, кондитерским изделиям и

жирам, в золотопромышленных – по хлебу, сахару, кондитерским изделиям, крупе, макаронам, в угледобывающих и лесозаготовительных – по хлебу, сахару, кондитерским изделиям. Ясно, что выдача продуктов, скорее всего, была меньше обязательных норм.

Решениями правительства вводились также нормы снабжения работников (и членов их семей) Дальстроя НКВД СССР, плавсостава Главсевморпути, рабочих, рыбаков Наркома рыболовной промышленности в период полевых работ в глубоко-таежных и высокогорных местностях Якутской АССР. На одного взрослого человека в месяц это были следующие продукты питания (кг): сахар и кондитерские изделия – 1,0, жиры – 1,2, крупа и макароны – 3,0, мясопродукты – 1,2, рыба и рыбопродукты – 5,6, соль – 0,7, хлеб (в день) – 0,8.

Размер среднего заработка рабочих и служащих Якутии снижался в течение всего периода войны, тогда как в стране наблюдалось его всеобщее повышение [17, с. 117; 18, с. 135]. Особенно значительным было снижение размера заработка работников машинно-тракторных станций и учреждений общественного питания – в 2 раза, а также в сфере просвещения (на 42,9 %), промышленности (на 28,6 %), строительстве, монтажных работ (на 28,6 %). Одной из причин снижения зарплаты с 1942 г. была отмена северных надбавок [19, с. 76].

В ряде случаев семьи рабочих и служащих спасались продуктами, выращенными в подсобных хозяйствах, организованных промышленными предприятиями, торговыми организациями, школами и др. В 1944 г. число таких хозяйств было 564 с посевом овощей и картофеля в 6170 га. Дополнительно к нормированным продуктам питания люди могли получать овощи, картофель, а от некоторых хозяйств – мясо, масло, молоко. Кроме того, в городах и рабочих поселках получило распространение индивидуальное и коллективное огородничество. Если в 1941 г. индивидуальным огородничеством занималось 13 170 рабочих и служащих, то в 1942 г. – 26 940, в 1944 г. – 31 475 [20, с. 315]. Отметим, однако, что это был весьма тяжелый и не столь эффективный труд, людям приходилось усиленно работать и вкладывать свои средства для получения урожая в условиях многолетней мерзлоты, резких перепадов температур и др.

Плохо было организовано продовольственное обеспечение научных сотрудников, преподавателей и студентов, что вызывало много жалоб. Согласно распоряжению СНК СССР и Наркомторга СССР «Об упорядочении снабжения работников науки, искусства и литературы», изданному в июне 1942 г., было введено снабжение представителей этой категории интеллигенции по нормам, установленным для рабочих промышленных предприятий [21, с. 19–20].

Таково было в общих чертах снабжение городского населения продуктами питания. Промышленные товары также лимитировались. Например, в месяц на одного человека отпускалось по два куса мыла (одно туалетное, одно хозяйственное) и по 5 коробок спичек [22, с. 314].

Условия жизни и быта жителей городских поселений характеризуют следующие цифры. В 1940 г. жилой фонд промышленных и строительных предприятий составлял 125,5 тыс. м², из которых почти половину (47 %) составляли дома барачного типа. В среднем на одного жильца приходилось 4,8 м² [23, с. 221, 231].

Итак, нормированное продовольственное снабжение, сложные бытовые условия не могли удовлетворить всей потребности семей рабочих, инженерно-технических работников, служащих республики, но все же могли гарантировать минимальный продуктовый паек и койко-место.

В отличие от городского, сельское население было фактически обречено на голодное существование, так как, согласно инструкции «О порядке продажи хлеба населению в сельских местностях» (июнь 1942 г.), продажа хлеба по талонам производилась только населению, не связанному с сельским хозяйством. Снабжение колхозников продовольствием полностью зависело от оплаты трудодней. Однако последнее свелось к ничтожно малым размерам ввиду продолжительной засухи и неурожайных 1939–1942 гг.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней», СНК ЯАССР 24 апреля 1942 г. принял постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней ЯАССР», согласно которому во время войны для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы республики был установлен обязательный минимум трудодней в году – до 100 трудодней, а для подростков – членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет – не менее 50 трудодней в год. Многие колхозники перевыполняли обязательный минимум. Каждый трудоспособный колхозник в южных районах в среднем вырабатывал по 211 трудодней в 1941 г., 250 в 1943 г., 293 в 1944 г.

Колхозное крестьянство республики, выполняя и перевыполняя нормы выработки, голодало. В среднем стоимость одного трудодня колхозника в 1940, 1941 и 1943 гг. составила: деньгами – 70 к., 67 к., 1 р. 53 к.; зерном (кг) – 0,5; 0,3; 0,7; мясом (кг) – 1,1; 1,9; 1,7; маслом (г) – 4; 3,4; 2,1.

При этом в ряде районов оплаты по некоторым видам товарной продукции не было. Так, в 1940 г. из 793 колхозов в южных сельскохозяйственных районах 286, или 36 %, не распределяли по трудодням зерно, в 1941 г. – в 419 (48,1 %), в 1943 г. – в 112 (14,1 %). Этот показатель по СССР

выглядел несколько лучше: в 1940 г. – 6,8 %, 1942-м – 4,1, 1943-м – 4,7, в 1945 г. – 3,3 % колхозов [24, с. 357].

Коренное население республики, привыкшее испокон веков питаться продукцией животноводства, в годы войны было лишено продуктов питания: мяса, масла, молока. В 1941 г. из 865 колхозов не имели для распределения по трудодням мяса – 797, молочной продукции – 605 колхозов [25, с. 315].

Кроме того, фактически денежной оплаты сельчане тоже не получали: выдаваемые деньги облагались налогами. Среди них особо значительными были суммы на военные займы.

Небольшое исключение в этом случае составили некоторые северные районы республики, жители которых могли охотиться на ценного пушного зверя, заниматься рыболовством. Например, в 1943 г. часть колхозников Нижнеколымского, Оленёкского районов, занимающихся промыслом на пушного зверя, распределили по трудодням в среднем на каждое хозяйство колхозника по 220 кг мяса, 421 кг рыбы и 4815 р. деньгами, а в Оленёкском районе – по 5835 р. деньгами [26, с. 83].

Одним из дополнительных источников питания сельчан должно было стать наличие индивидуальных подсобных участков. В целом по стране роль личных подсобных крестьянских хозяйств резко возросла: они в среднем на 85–90 % восполняли недостачу продуктов, которые не производились в сельскохозяйственных артелях или не выдавались по трудодням в наиболее тяжелые годы (выдача зерновых и картофеля сократилась примерно в 3 раза, мясо, масло и молоко практически не распределялись) [27, с. 25]. Однако в Якутии положение было иным. Личное подсобное хозяйство ассоциировалось у населения лишь со скотом личного пользования. Участки, выделяемые рядом с домом, всецело использовались под выгоны для скота, хранения сена, хотоны (помещения для содержания скота в долгую зиму), хозяйственные постройки. Культура же огородничества, овощеводства за короткое время советской власти не успела распространиться среди сельского населения, продолжавшего вести традиционный уклад жизни (даже сегодня в сельской местности далеко не все коренные жители занимаются огородничеством и овощеводством из-за их низкой эффективности).

К тому же труд колхозников на личных подсобных хозяйствах осуждался, что привело к сокращению и без того малых площадей под личные подсобные хозяйства. Например, если члены колхозов, находившихся в более комфортных природно-климатических условиях (в Амгинском, Олёкминском и некоторых других районах), имели в 1941 г. в личной собственности 0,09 % от всей засеваемой площади под зерновые культуры, то в 1942 г. – 0,07 %. Единоличники, засевающие в 1940 г. 0,04 % всей используемой земли, в 1941 г. засевают 0,01 % земли, а с 1942 по 1944 г. – не засевают ничего [28, с. 7].

Таким образом, централизованного продовольственного снабжения колхозного населения Якутии в военные годы фактически не было. В условиях почти полного отсутствия продовольственной помощи со стороны правительственных структур, взимания денежных и других сборов на нужды войны, а также отсутствия личных подсобных хозяйств (при том что за счет личного поголовья скота происходил рост поголовья общественного, колхозного скота) якутское крестьянство испытывало крайнюю нужду.

Ярким свидетельством массового голода и тяжелой демографической ситуации в Якутии явились материалы постановления ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 г. «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)» и предшествовавшей этому постановлению проверки группы руководящих работников РСФСР во главе с заместителем председателя СНК РСФСР А.Н. Суховым. В постановлении констатировалось: «...Обком ВКП(б) допустил ошибку в том, что беззаботно отнесся к проведению устава сельскохозяйственной артели в части правильного сочетания личного и общественного хозяйства, вследствие чего произошло сокращение скота в личном пользовании колхозников по крупному рогатому скоту с 150 тыс. голов на 1/1 1941 г. до 48 тыс. голов на 1/1 1943 г., и у значительной части колхозников не имеется скота личного пользования...» Известно, что поголовье скота, находившегося в личном пользовании колхозников, сократилось в 1941–1942 г. по крупному рогатому скоту на 72 %, лошадям – на 90,6 %, свиньям – на 97,1 %, оленям – на 67 % [29, с. 77, 78]. Отсутствие у колхозников скота, коров (в сложившихся условиях единственного источника пропитания) означало голод, гибель людей.

Число хозяйств колхозников, не имевших вообще никакого скота, по отношению к количеству всех хозяйств колхозников возросло с 10,4 % в 1941 г. до 45,2 % в 1943 г., а не имевших коров – с 16,1 % в 1941 г. до 51,2 % в 1943 г. Позитивные изменения произошли только к окончанию войны, в 1944 г., когда к январю 1945 г. число хозяйств, не имевших скота, снизилось и составило 26,3 %, не имевших коров – 39,6 % [30, с. 113]. Для сравнения укажем, что число хозяйств колхозников, не имевших скота, по СССР составило в 1940 г. 13,1 %, а в 1945 г. – 17,5 % [31, с. 361].

Рассмотрим показатели урожайности зерновых культур (учет урожайности трав, естественных сенокосов для прокорма скота не проводился, но также зависел от природно-климатических

условий), подвергшихся сильному негативному воздействию продолжительной засухи. Если в 1938 г. средний урожай зерновых с 1 га (ц) составлял 10,4, в 1939 г. – 3,6, то в 1940–1945 гг. – 5,3; 3,2; 1,5; 5,6; 7,3 и 5,5. В некоторых районах республики средняя урожайность в 1942 г. была еще меньше (ц с 1 га): в Амгинском – 0,92, Горном – 0,97, Таттинском – 0,75, Усть-Алданском – 0,53, в Чурапчинском – 0,64 [32, с. 75].

Итак, в течение почти всего периода войны такие важные отрасли экономики республики, как скотоводство и земледелие, переживали упадок. Понятно, что в сложившейся ситуации пострадало главным образом сельское население, занятое в этих отраслях хозяйства.

Смертность сельчан от голода, истощения отмечалась в республике повсеместно, особенно в южных районах Якутии, пострадавших от засухи. НКВД Якутской АССР сообщал вышестоящим органам руководства страны о создавшемся чрезвычайном продовольственном положении в ряде колхозов Мегино-Кангаласского, Усть-Алданского и других районов. Так, по состоянию на июнь 1942 г. констатировалось, что некоторые члены колхозов и их семьи прибегали к употреблению в пищу древесной коры с добавлением незначительного количества муки. Имелись случаи опухания и смертности колхозников от недоедания и истощения. Регистрировались и случаи каннибализма [33, с. 112].

Ряд колхозников пытались оставить село и перейти на работу в городские поселения. В июле 1943 г. в обкоме ВКП(б) был рассмотрен вопрос о самовольном отходничестве колхозников, где подчеркивалось нарушение членами колхозов постановления ЦИК и СНК СССР от 17 марта 1933 г. «О порядке отходничества из колхозов». В постановлении писалось о необходимости выявления таких колхозников и водворении их обратно в колхозы.

Возникшая чрезвычайно тяжелая ситуация с продовольствием радикально не улучшилась с реализацией решений по выполнению постановления ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 г. «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)». Население республики необходимо было спасать прямыми поставками продуктов питания, что оказалось невозможным в условиях войны. На состоявшемся 24–27 мая 1943 г. пленуме Якутского обкома, поддержавшем постановление ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 г., было решено ходатайствовать об освобождении колхозов от обязательных поставок хлеба, картофеля, от обязательных натуральных поставок с приусадебных участков, снижении планов поставок сена, замене поставок молока маслом, разрешении рыбной ловли и охоты, доения кобылиц. Также пленум рекомендовал колхозам после выполнения плана развития животноводства закупать у колхозников, рабочих и служащих телят и продавать их бескоровным колхозникам [34].

Известно, что в связи с тяжелым финансовым состоянием республики СНК РСФСР освободил Якутскую АССР от взноса в госбюджет за первое полугодие 1942 г. в размере 5000 тыс. р. и задолженности за 1941 г. по взаимным расчетам с госбюджетом в сумме 3600 тыс. р. На переписку, обсуждение вопросов, поставленных пленумом Якутского обкома, с различными наркоматами страны ушло довольно много времени, в итоге последовавший в 1943 г. долгожданный урожай спас жителей Якутии от поголовного истребления продолжительным голодом. Однако благополучный период был очень короток: уже в 1945 г. руководство ЯАССР опять отмечало неурожай зерновых, вновь произошло снижение уровня жизни населения в сельской местности.

Вместе с тем несколько облегчила ситуацию с недостатком продовольствия в годы войны помощь, поступавшая по ленд-лизу, через Северный морской путь. Грузы доставляли из порта Тикси в северные районы, Якутск и другие населенные пункты. Всего было доставлено 452 тыс. т продовольствия, боеприпасов, нефтепродуктов, машин и оборудования для оборонной промышленности и населения Крайнего Севера [35, с. 10].

Жилищно-бытовые условия жителей сельской местности в сложившейся ситуации были экстремальными. Тип жилищ и быт крестьян способствовали распространению различных заболеваний эпидемического и инфекционного характера, а значит, усугубляли демографическую ситуацию, повышая риски смертности. В Усть-Алданском районе 62,4 % домов не соответствовали санитарно-эпидемиологическим нормам проживания. В Вилуйском районе из 980 жилищ 88 имели земляные полы, 645 домов вместо печей пользовались камельками, было 18 юрт с хотонами (помещениями для скота), т. е. 76,6 % жилых помещений было в неудовлетворительном состоянии.

В целом, по неполным данным на 1 марта 1945 г., количество юрт в республике составило 3582, юрт с хотонами – 122, домов и юрт с земляными полами – 1704, с камельками – 4131, тордохов (тордох – жилище типа шалаша, накрытое шкурами) – 365. Кроме того, было множество домов с ледяными окнами. При том в указанных жилых помещениях сельчане проживали очень плотно, скученно. Так, в Нюрбинском районе колхоз «Улахан-Кель», состоявший из 34 хозяйств, имел 16 жилых построек, в которых проживало 195 человек, по 12–13 человек в одном помещении в 30 м² (2,3–2,5 м² на человека). В колхозе «Чучукан» 15 хозяйств из 56 человек ютились в 7 домах, на одно помещение приходилось 8–9 человек.

Таким образом, условия жизни и быта населения Якутии в годы Великой Отечественной войны были тяжелыми. Социальная помощь была адресована наиболее уязвимой категории населения – семьям военнослужащих, инвалидам, детям. Серьезная финансовая помощь оказывалась учреждениям здравоохранения. Однако эти мероприятия не спасли от голодной смерти тысячи людей.

Оценку потерь в войне можно произвести по отношению к ежегодному приросту численности населения. Так, если ежегодный прирост численности жителей республики за период с 1937 по 1939 г. составил в среднем 13,5 тыс. чел., то при сохранении темпов его роста число жителей достигло бы 486,5 тыс. чел. к 1 января 1946 г. ($13,5 \text{ тыс.} \times 5 = 67,5 \text{ тыс.}$; $419\,000 - \text{численность населения на 1 января 1941 г.} + 67,5 \text{ тыс.} = 486,5 \text{ тыс.}$). Разница между фактической численностью и прогнозом составит дефицит в 121,8 тыс. чел., или 33,4 % от действительной численности по состоянию на 1 января 1946 г. Итак, если бы не было войны, численность жителей Якутии могла бы увеличиться примерно на треть.

Численность населения Якутии, как и всего Советского Союза, достигла довоенного уровня только к концу 1954-го – началу 1955 г., через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны. Число жителей сельской местности Якутской Республики восстановилось лишь к 1967–1968 гг.

Ссылки:

1. Боякова С.И. Ленд-лиз и Якутия: плавания на восточном участке Северного морского пути в годы Великой Отечественной войны // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1 (10). С. 6–11; Война и общество, 1941–1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004; Война и общество в XX в. : в 3 кн. Кн. 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны / отв. ред. Е.Н. Кульков. М., 2008. 673 с.; История повседневности : сб. науч. работ. Вып. 3 / редкол.: Б.И. Колоницкий [и др.]. СПб., 2003. 207 с.; Журавлев С.В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона [и др.]. М., 2010. С. 3–27; Его же. Микроистория: заметки о современном состоянии и перспективах изучения // Человек на исторических поворотах XX в. : сборник / редкол.: А.Н. Еремеева [и др.]. Краснодар, 2006. С. 60–83; Кондакова Н.И. Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. 480 с.; Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / отв. ред. А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. М., 2010. 732 с.; Николаев В.П., Бегиев В.Г. Здравоохранение Якутии в годы войны (1941–1945): сеть, кадры и лечебно-профилактические мероприятия // Сибирский медицинский журнал. 2007. Т. 22, № S2. С. 108–111; Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны : в 2 ч. Ч. 2. Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск, 1992. 318 с.; Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история : ежегодник. 2007 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М., 2008. С. 9–54; Ее же. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. 495 с.; Самуэльсон Л. Танкоград. Секреты русского тыла 1917–1953 гг. / пер. с швед. Н.В. Долговой. М., 2010. 372 с.; Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000. 148 с.; Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2003; Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. L., 1991. 272 p.; Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene and Living Standards, 1943–1953. Cambridge, 2010. 410 p.; Filtzer D.A., Goldman W.Z. Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union During World War // Bloomington, IN, 2015. P. 302; Harrison M. Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945. Cambridge, 1996. 376 p.; Kragh M. Soviet Labour Law During the Second World War // War in History. 2011. Vol. 18, iss. 4. November. P. 531–546. <https://doi.org/10.1177/0968344511417501>; Markwick R.D. 'The Motherland Calls': Soviet Women in the Great Patriotic War, 1941–1945 // The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union / ed. by M. Ilic. L., 2017. P. 217–232. https://doi.org/10.1057/978-1-137-54905-1_15; etc.
2. Якутия. Качество жизни населения, 1913–2013 / сост. Н.К. Чьямова [и др.]. Якутск, 2015. 393 с.
3. Якутия. Великая Отечественная в цифрах / сост. Т.А. Торговкина [и др.]. Якутск, 2010. 243 с.
4. ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 364. Л. 168–172.
5. Там же. Д. 459. Л. 26.
6. Там же. Д. 364. Л. 168.
7. Якутия. Качество жизни населения, 1913–2013. С. 19.
8. ГАРФ. Ф. А-413. Д. 602. Л. 101, 102, 104–106.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 138. Л. 46, 47.
10. Николаев В.П., Бегиев В.Г. Указ. соч.
11. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны ... С. 82, 116, 119.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 138. Л. 46.
13. Якутия. Великая Отечественная в цифрах. С. 221, 222.
14. Там же.
15. Николаев В.П., Бегиев В.Г. Указ. соч. С. 108.
16. Петров Д.Д. Указ. соч. С. 314.
17. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. 192 с.
18. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма / отв. ред. В.В. Алексеев. Новосибирск, 1984. 376 с.
19. Якутия. Качество жизни населения, 1913–2013. С. 76.
20. Петров Д.Д. Указ. соч. С. 315.
21. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945 : в 2 вып. Вып. I. М., 1994. 125 с.
22. Петров Д.Д. Указ. соч. С. 314.
23. Якутия. Качество жизни населения, 1913–2013. С. 221, 231.
24. История крестьянства СССР : в 5 т. Т. 3. История советского крестьянства. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 / отв. ред. В.А. Вылцан [и др.]. М., 1987. 447 с.
25. Петров Д.Д. Указ. соч. С. 315.

26. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны ... С. 83.
27. Зинич М.С. Указ. соч. С. 25.
28. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны ... С. 7.
29. Сивцева С.И. Народонаселение Якутии: аспекты развития. Якутск, 2013. 198 с.
30. Петров Д.Д. Указ. соч. С. 113.
31. История крестьянства СССР. Т. 3. С. 361.
32. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны ... С. 75.
33. Алексеев Е.Е. Голод и борьба с ним // Великая Отечественная: значение и уроки победы : материалы научно-практической конференции / отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск, 1995. С. 110–117.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 344. Л. 104–109.
35. Боякова С.И. Указ. соч.

References:

- Alekseev, EE 1995, 'Famine and the Fight against It', in VN Ivanov (ed.), *The Great Patriotic War: Meaning and Lessons of Victory: Proceedings of Research-to-Practice Conference*, Yakutsk, pp. 110-117. (in Russian).
- Alekseev, VV (ed.) 1984, *The Working Class of Siberia During the Consolidation and Development of Socialism*, Novosibirsk, 376 p., (in Russian).
- Barber, J & Harrison, M 1991, *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*, London, 272 p.
- Boyakova, SI 2015, 'Lend-Lease and Yakutia: Sailing the Eastern Section of the Northern Sea Route During the Great Patriotic War', *Severo-Vostochny gumanitarny vestnik*, no. 1 (10), pp. 6-11, (in Russian).
- Chyamova, NK (et al.) (comp.) 2015, *Yakutia. People's Quality of Life, 1913–2013*, Yakutsk, 393 p., (in Russian).
- Filtzer, D 2010, *The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene and Living Standards, 1943–1953*, Cambridge, 410 p.
- Filtzer, DA & Goldman, WZ 2015, *Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union During World War II*, Bloomington, IN, p. 302.
- Harrison, M 1996, *Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945*, Cambridge, 376 p.
- Kolonitsky, BI (et al.) (ed.) 2003, *The History of Everyday Life: Collection of Research Papers*, iss. 3, St. Petersburg, (in Russian).
- Kondakova, NI 2002, *War, State, Society. 1941–1945*, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Kragh, M 2011, 'Soviet Labour Law During the Second World War', *War in History*, vol. 18, iss. 4, November, pp. 531-546, <https://doi.org/10.1177/0968344511417501>.
- Kulkov, EN (ed.) 2008, *War and Society in the 20th Century*, in 3 books, book 2, Moscow, 673 p., (in Russian).
- Livshin, AY & Orlov, IB (comps) 2003, *Soviet Everyday Life and Mass Consciousness. 1939–1945*, Moscow, (in Russian).
- Markwick, RD 2017, 'The Motherland Calls: Soviet Women in the Great Patriotic War, 1941–1945', in M Ilic (ed.), *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union*, London, pp. 217-232, https://doi.org/10.1057/978-1-137-54905-1_15.
- Nikolaev, VP & Begiev, VG 2007, 'Healthcare in Yakutia During the War (1941–1945): Network, Personnel, and Preventive Healthcare', *Sibirsky meditsinsky zhurnal*, vol. 22, no. S2, pp. 108-111, (in Russian).
- Petrov, DD 1992, *Yakutia During the Great Patriotic War*, in 2 parts, part 2, Yakutsk, 318 p., (in Russian).
- Pushkareva, NL 2007a, *Gender Theory and Historical Knowledge*, St. Petersburg, 495 p., (in Russian).
- Pushkareva, NL 2007b, 'The History of Everyday Life: Subject Matter and Methods', in NL Pushkareva (ed.) *Social History: Yearbook*, Moscow, pp. 9-54, (in Russian).
- Sakharov, AN & Senyavsky, AS (eds) 2010, *The People and the War: Essays on the History of the Great Patriotic War. 1941–1945*, Moscow, 732 p., (in Russian).
- Samuelson, L & Dolgova, NV (trans.) 2010, *Tankograd. Secrets of the Russian Home Front, 1917–1953*, Moscow, 372 p., (in Russian).
- Sevostyanov, GN (ed.) 2004, *War and Society, 1941–1945*, in 2 books, Moscow, (in Russian).
- Sivtseva, SI 2000, *Yakutia During the Great Patriotic War: Social and Demographic Aspect (1941–1945)*, Yakutsk, 148 p., (in Russian).
- Sivtseva, SI 2013, *The Population of Yakutia: Development Aspects*, Yakutsk, 198 p., (in Russian).
- Torgovkina, TA (et al.) (comp.) 2010, *Yakutia. The Great Patriotic War in Figures*, Yakutsk, 243 p., (in Russian).
- Voznesensky, NA 1947, *The Military Economy of the USSR During the Great Patriotic War*, Moscow, 192 p., (in Russian).
- Vyltsan, VA (et al.) (ed.) 1987, *The History of the Peasantry in the USSR*, in 5 vols, vol. 3, Moscow, 447 p., (in Russian).
- Zhuravlev, SV 2006, 'Microhistory: Notes on the Current State and Prospects of Study', in AN Ereemeev (et al.), *Human in the Hinges of the 20th-Century History: Collection*, Krasnodar, pp. 60-83, (in Russian).
- Zhuravlev, SV 2010, 'The History of Everyday Life – a New Research Program for Russian History', in A Lüdtké & KA Levinson (et al.) (trans.), *The History of Everyday Life in Germany. New Approaches to Studying Labour, War, and Power*, Moscow, pp. 3-27, (in Russian).
- Zinich, MS 1994, *Everyday Life During the War. 1941–1945*, in 2 iss., iss. 1, 125 p., (in Russian).

Редактор: Тальчук Калерия Сергеевна
Перевод: Куликова Маргарита Александровна